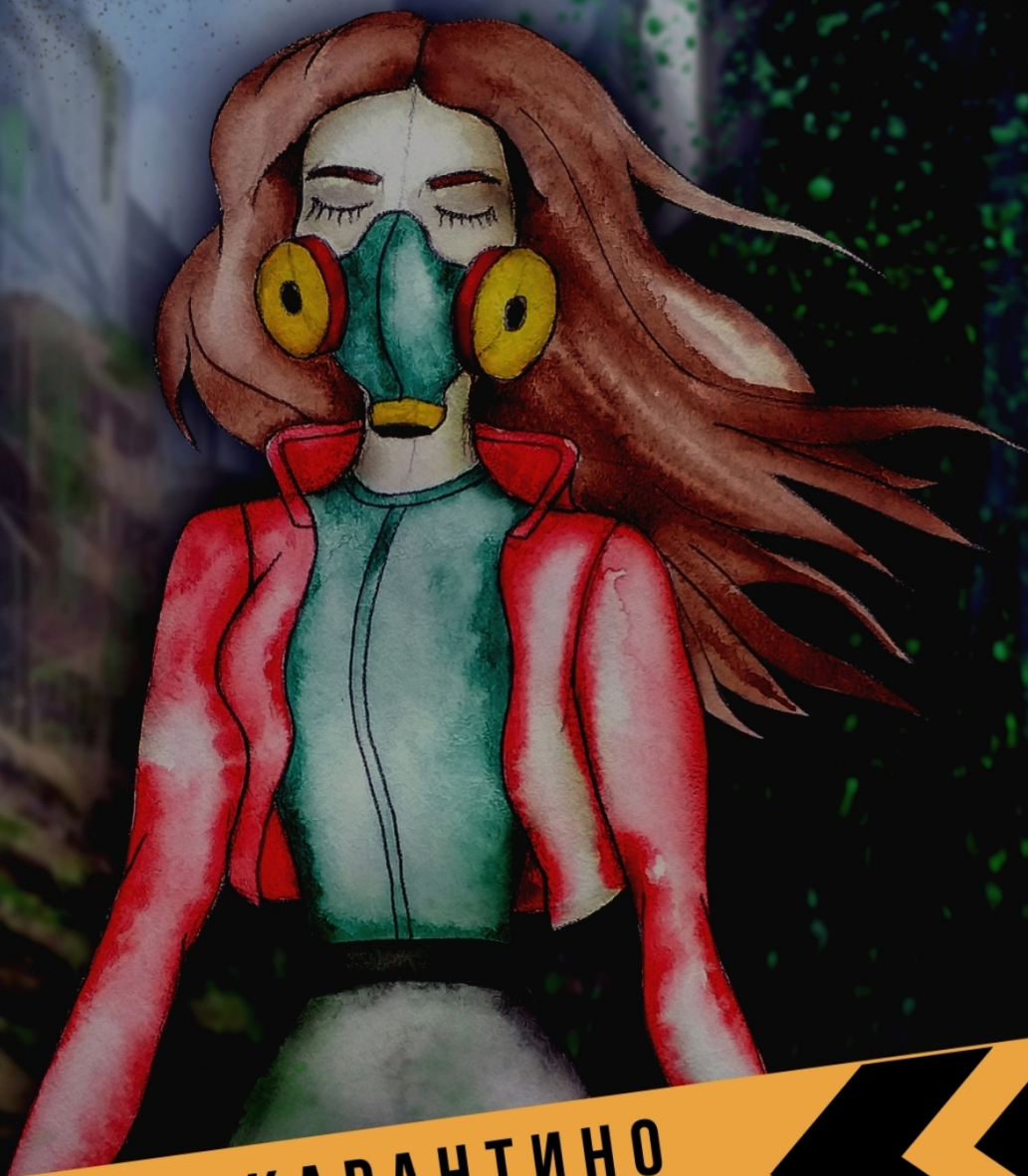


”

Отборное вирусное чтение

от проекта "Автор, пиши еще!"



**КАРАНТИНО
ПРЕДСТАВЛЯЕТ**

18+

Автор, пиши еще!

**Карантино представляет.
Отборное вирусное чтение**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Автор, пиши еще!

Карантино представляет. Отборное вирусное чтение / Автор, пиши еще! — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что должен делать писатель, когда творится история? Конечно же, записывать, документировать, создавать хроники реальных событий. В этом сборнике правда перемешана с фантазией и выдумкой. Но каждый рассказ написан на основе реальности, в которой мы жили в период пандемии. «Автор, пиши еще!» — сообщество пишущих людей Вконтакте. Здесь проводятся писательские челленджи и марафоны. Участники пишут посты, рассказы и даже книги. Основатель и вдохновитель — Евгения Королёва, которая помогает начинающим авторам поверить в свое право писать.

© Автор, пиши еще!, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Слово редактора	6
Чат «Covid-19»	8
Параноики	10
Как я стал суперменом	12
Случайность правит миром	15
Новичок	17
Первой заболела бабушка	21
Крик	23
Сто дней изоляции	25
543 рубля	28
Радио «Создатель»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сборник создан при поддержке проектов «Автор, пиши еще!» и «Текстовые сериалы Валентины Б».

Слово редактора

Пандемия. В такой период сложно что-то писать, потому что уже завтра ситуация может резко измениться в худшую сторону. И все же мы предложили нашим подписчикам создать этот сборник. Что должен делать писатель, когда творится история? Конечно же, записывать, документировать, создавать хроники реальных событий. Ведь сегодня с нами происходит то, во что мы не поверили бы год назад.

Пару лет назад где-то в сети я читала про возможный сценарий вирусного апокалипсиса, и там четко фигурировали маски. Что их на всех не хватит, и они станут на вес золота. Какая чушь, подумала я тогда... Копеечные маски. Сегодня мы закрылись дома, купили маски и перчатки для походов в магазин. Самой не верится, что я все это делаю. Но такова наша новая реальность.

В один апрельский день моя паника достигла пика. Я не могла работать. Не могла ничего планировать. Плохо спала, постоянно просыпаясь и проверяя телефон: нет ли там новых страшных новостей.

Незадолго до этого с месторождения, где находился мой муж, вывезли одного заболевшего. Когда я об этом узнала, я почувствовала себя, как в игре PUBG – когда область игровой зоны, где можно выжить, с каждым шагом сужается. Как будто затягивается петля страха на твоём горле.

В магазин я отправилась в маске, стараясь не касаться никаких поверхностей. Корзину не брала – сразу взяла пакет на кассе и складывала продукты в него. Придя домой, вытащила все из упаковок, все, что можно – обдала кипятком (понятия не имею, насколько это эффективно). Но смысл паники как раз в том, что ты делаешь что-то просто «чтобы делать».

Перед походом в магазин я увидела местном паблике фотографию людей в защитных костюмах возле одного из домов в нашем городе, недалеко от нас. Наверное, именно после этого я дошла «до ручки», понимая, что человек, которого забрали под наблюдение, мог ходить в наш магазин. Я была в одном шаге от того, чтобы сжечь одежду, в которой пришла!

Видимо, нужно дойти до самого дна, чтобы начать выныривать. Я поняла, что переборщила со страхом. Я поняла, что поддалась влиянию пандемии страха. И тогда меня отпустило. В итоге мы все научились жить в этой новой реальности.

Однажды мы проснемся утром и поймем, что все закончилось. Снова можно гулять, встречаться с друзьями в кафешках, летать в жаркие страны и ходить в театр.

Весь этот дурной сон, в который мы попали, очень хорошо показывает нам, насколько хорошо у нас все было до коронавируса. Если раньше кто-то ныл, что бизнес плохо идет, дворы не чищены от снега, а йогурты недостаточно полезны, то теперь становится очевидно, что жизнь наша была вполне сносной и даже в некоторых моментах комфортной. И просто хочется вернуть все, как было.

Коронавирус отнял у нас не так уж многое, но очень важное: нашу свободу. Свободу передвижения, свободу общения, свободу делать то, что мы привыкли и так, как мы привыкли.

Но вспомните себя до пандемии. Так ли уж часто вы виделись с друзьями? Так ли часто ходили в кино или театр? Когда это было доступно – не очень-то и хотелось. Сейчас мы видим один из вероятных сценариев будущего – каждый человек сидит в своем «пузыре» и общается с внешним миром через интернет и окошко в двери, чтобы получать еду по доставке. И вроде вполне работоспособная система. Да только мы все еще живы. Мы все еще аналоговые, какими-бы цифровыми ни были наши жизни, наш бизнес, наша работа. И, возможно, сейчас самое время научиться ценить это.

В этом сборнике реальность перемешана с фантазией и выдумкой. Но в каждом из рассказов есть немалая доля правды. Ведь все они написаны на основе реальности, в которой мы жили в период пандемии.

Я мечтаю о том, чтобы поскорее настало время, когда все, случившееся с нами весной 2020 года, превратится в далекое прошлое, чтобы все события действительно казались вымышленными.

Автор челленджа и редактор сборника

Евгения Королёва

vk.com/e_koroleva

Группа «Автор, пиши еще!»

vk.com/write_more

Чат «Covid-19»

Илона Ковза

vk.com/ilona.kovza

Чат «Пандемия COVID-19» создан

Китай добавлен в чат

Китай: Что за спам?

Китай: Эй!

Тайланд добавлен в чат

Япония добавлена в чат#

Тайланд: Что тут происходит?

Китай: Сам не в курсе, но походу дело плохо.

Япония: Сколько раз я тебе говорила не жрать всякую дрянь!

США добавлены в чат

Австралия добавлена в чат

США: Хай, фрэндс! Что здесь случилось? Чем я могу вам помочь?

Китай: Уже себе помоги.

Австралия: Только пожары потушила, так теперь это...

Франция добавлена в чат

Германия добавлена в чат

Канада добавлена в чат

Испания добавлена в чат

Великобритания добавлена в чат

Италия добавлена в чат

Италия добавлена в чат

Италия добавлена в чат

Италия: Хватит меня добавлять! Я уже все...

США: Друзья, надо срочно что-то делать!

Китай: Ну, закройте на карантин. Мне помогает.

Германия: Так нельзя! Существует Конституция, права человека на свободу перемещения!

Польша добавлена в чат

Украина добавлена в чат

Израиль добавлен в чат

Египет добавлен в чат

Германия: Ладно, карантин так карантин.

Финляндия добавлена в чат

Швеция добавлена в чат

Италия: У кого есть маски?

Италия: Пришлите масок!

Италия: Пожалуйста, очень нужны маски!

Италия: Евросоюз, кто масками-то поможет?

Китай: Держи, Италия, маски

Италия: Вот спасибо, дорогой! Вовек не забуду!

Италия: Никому ничего не забуду...

Россия добавлена в чат

Россия: Ну, здравствуйте, коллеги... Что делаете для предотвращения распространения?

Китай: Закрыв города, запретил перемещения, выдаю продукты, чтобы люди сидели дома.

Германия: Закрывает города, запретила перемещения, выдаю деньги, чтобы люди сидели дома.

США: Все закрыли, запретили перемещения, выдаем деньги и продукты, чтобы люди сидели дома.

Россия: Ага, понятно. Все закрыть, перемещения запретить, всех дома посадить.

Германия: А деньги?

Россия: Какие деньги?

США: Ну, чтобы люди дома сидели.

Россия: Точно! Штрафы за выход из дома! Вот спасибо, чуть не забыла! Всем чмоки!

Беларусь добавлена в чат

Беларусь: Ага, шас!

Беларусь покинула чат

Польша: А что, так можно было?

Страны Восточной Европы добавлены в чат

Германия: Что это вы все вместе?

Страны Восточной Европы: Да у нас один аккаунт. Телефон в общем коридоре лежит.

Китай: Не забудьте брызгать его санитайзером.

США: Фрэндс, назрел важный вопрос. Кто добавил нас в этот чат?

Япония: Китай

Тайланд: Китай

Австралия: Китай

Италия: Китай

Франция: Китай

Китай: Эй! Хватит в меня тыкать!

США: Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Китай: Добавил вас может и я. Но есть вопрос поинтереснее: кто СОЗДАЛ этот чат? А, США?

США offline

Китай: Кстати, я выхожу. Всех вас пока забаню. Без обид!

Китай покинул чат

Германия:...

Франция:...

Страны Восточной Европы:...

Россия: Хотите мем смешной?

Россия: Вложение: Печенег.gif

Параноики

Света Кудрякова

vk.com/s_kudry

Анна стояла у плиты. Ее светлые волосы были собраны в тугий пучок, а челка назойливо лезла в глаза. В кастрюле медленно закипала вода, и женщина приготовилась закинуть туда гречку. Последние триста грамм.

Рано или поздно это должно было случиться. Когда Анна закупалась, в спешке и суматохе, продуктами, она и представить не могла, что карантин затянется так надолго. Поэтому и хватило продуктов только до 24 апреля.

И вот теперь она ссыпала гречку в воду, поджав губы, и понимала, что важный день пришел.

В кухню зашел муж, он подошел к окну и посмотрел на улицу. Там гуляла мама с ребенком, мимо проходили люди. Было тепло и солнечно.

– Идиоты, – сквозь зубы процедил Николай, и еще плотнее закрыл окно.

На кухне было душно, вентиляцию Страховы тоже закрыли (ну а вдруг?), поэтому стоять у плиты было неприятно и тяжело.

Николай перевел взгляд с окна на Анну, по ее лицу он понял: час настал. Вдохнул и быстро вышел.

Сели обедать. За столом собрались все: Анна, ее муж Николай, бабушка, отец Анны, и дети – двенадцатилетняя Катюша да пятнадцатилетний Микола.

За едой царило молчание. Дети пытались баловаться и шутить, но, увидев мамино выражение лица, притихли. Напряжение витало в воздухе.

Анна спросила, все ли хорошо себя чувствуют, кому что снилось и кто видел последнюю сводку по зараженным. Смотреть сводку по миру, стране и городу было обязательной обязанностью в семье Страховых, каждый день назначался дежурный. На специальной доске он выписывал статистику заболевших в целом, заболевших за день, погибших и выздоровевших. Потом нужно было посчитать разницу с предыдущим днем и тоже записать. Цифра по городу была самой важной, ее обводили в кружок.

Да, была она небольшой, все же глубокая провинция, но и она неуклонно росла, приводя Страховых в еще больший ужас.

Сегодня за сводку отвечал дед. Своим скрипучим голосом он озвучил пугающие цифры. Анна побледнела и уронила ложку. Хорошо хоть пустую, гречка была единственным блюдом для обеда.

Тут Николай не выдержал. Он вскочил, вышел в коридор и начал искать вещи.

– Нет, только не ты! – взмолилась Анна. – Без тебя в семье не будет денег, мы точно погибнем, если не от вируса, то от голода.

– Тогда я пойду, – сказал дед и решительно встал.

– А ты куда пойдешь? Да и сколько ты принесешь? Только заразы больше нацепляешь, сиди уж, – отозвался Николай.

– Что же тогда делать? Кто-то должен выйти за продуктами.

– Может, закажем через интернет? – робко предложил Микола и тут же был вознагражден взглядом отца, полным гнева.

– Ты что, хочешь, чтобы ЕГО нам точно притащили? Они же там и смотреть не будут, насобирают самого заразного, чтобы больше... – отец закашлялся и замолчал.

Страховы вжали головы в плечи еще сильнее. Кашель... Они знали этот симптом. Кашель... Николай прочитал ужас на лицах родных и поспешно объяснил:

– Да я просто подавился!

Прошло двадцать минут, решение ситуации не приходило. Для каждого Страхова находилось какое-то «но». Тогда Катюша сказала:

– А что, если жребий?

Это было выходом, потому что другого варианта все равно не было. Сделали пять бумажек, на одной поставили черную метку и опустили в шапку.

Первым тянул Микола. И сразу же вытянул ЕЕ.

Анна вздохнула и заплакала. Микола. Ее сыночек. Первенец. Она как сейчас помнила эти тяжелые роды, его первый крик, шаги и смех.

Но другого пути не было.

Миколу собирали всей семьей. Как на войну. Да, собственно, почему «как». Для Страховых это и была война. Самая суровая и изматывающая.

– Бери то, что подальше лежит.

– Маску не снимай.

– Надень очки.

– Перчатки эти возьми, они покрепче.

– Ни с кем не болтай.

– Кнопки нажимай вот этой палочкой, потом выбросишь.

– Все брызгай антисептиком.

– Дыши через раз.

– Туда и обратно беги бегом.

– В дверь стукнешь четыре раза...

И Микола ушел. Ему было поручено приобрести внушительный список продуктов. Он нес его в руках, затянутых в перчатки, и прикидывал в голове план магазина, как побыстрее все взять и вернуться, ведь ему дали только пятнадцать минут.

К счастью мальчика, в торговом зале почти никого не было. Он воровато оглянулся и побежал наполнять корзину. Справился быстро и выдохнул с облегчением.

На кассе сидела тетя Лиза, мама Миколиного одноклассника. Она была без маски и весело улыбалась.

– Привет, Микола, как поживаете?

– Ничего-ничего, – пробубнил мальчик, быстро расплатился и направился домой.

Антисептик, ключи, палочка, перчатки, открыть двери, нажать лифт, антисептик, палочка, выбросить, четыре удара в дверь.

– А, ловко ты, – папа приоткрыл дверь и вытянул руку в перчатке, в руке был антисептик. – Где пакет?

Микола протянул. Николай брызнул спасительной жидкостью. Забрал продукты и закрыл дверь.

Парень растеряно постоял, снова постучал, но никто не подошел. И только тут он увидел, что на полу у двери были сложены небольшой матрас, подушка и тапочки. А рядом записка:

«Микола, прости, мы не можем так рисковать».

Мальчик горько вздохнул и сел на новую постель. Тут ему предстояло провести ближайšie четырнадцать дней.

Как я стал суперменом

Юлиана Еленина

Меня разбудил настойчивый стук в дверь. Долбились так, будто случился пожар.

– Да иду, иду! – ворчал я себе под нос, пробираясь по коридору, заваленному старыми шмотками.

Вчера моя девушка ушла от меня к другому, торжественно сообщив, что больше не намерена жить с таким овощем, как я.

Ушла днем, а вечером меня накрыло... Я достал из закров бутылку рома и решил устроить дестрой. Поэтому вытряхнул из всех шкафов свои старые вещи, чтоб освободиться от прошлого.

Честно, планировал сжечь все к чертям еще ночью, но, похоже, вырубился раньше, чем рассчитывал.

Под эти развеселые мысли я прошлепал к двери и посмотрел в глазок. Три незнакомца, упакованные в белые комбинезоны и респираторы, стояли на лестничной площадке.

– Кто?

– Берсенев Александр Владимирович?

– Да.

– Скорая. Вызывали?

Никого я не вызывал. Хотя...

Память услужливо подкинула воспоминания о том, как я набирал 112 и орал, что мне трудно дышать. Идиот! Ладно, люди примчались, надо хоть в дом пустить.

Интересно, они теперь все в этом маскараде выезжают? Надеюсь, это не психбригада.

Старый замок хрустел, пока я откупоривал засовы. Бывшая же говорила, что смазать надо, твою ж медь! Может и правильно сделала, что смылась от меня.

Похмелье долбило в виски тупой болью. После бутылки рома чувствовал я себя отвратно.

Трое молча вошли в квартиру, осмотрелись, бросив заинтересованный взгляд на разбро- санную одежду.

– Давно вернулись из поездки?

– Из какой?

И тут до меня дошло, чего они там надумали.

– Я никуда не ездил, просто гардероб перебрать решил к лету, – шутка получилась не- веселой.

– Ну как это? Вот запись. Берсенев Александр Владимирович, возвращенец. Недавно посетил Таиланд. Надо взять мазок на коронавирус.

– Да никуда я не ездил!

Это что, блин, за божественная комедия? Чего я им там наплел спьяну? И как теперь доказать, что я не верблюд?

– Штаны снимайте.

– Ч-чего? Мазок же из зева и носа берут.

– Угу, – невнятно вякнул тот, что был ближе. И повторил:

– Ты что, не понял? Штаны снимай, живо.

Тут во мне проснулась ярая жажда справедливости, поэтому с криком «Да вы охренели?» я поскакал вглубь квартиры. Бригада ринулась за мной, запинаясь о разбросанные штаны и футболки. Я чувствовал их приближение по шуршанию бахил.

Бог знает, на что я надеялся, формируя траекторию побега, но поймали меня довольно быстро. Заломали руки за спину, как настоящие профессионалы. Видимо, все-таки психбригада.

– Александр Владимирович, мы вынуждены настоять на том, чтобы вы проехали с нами, – учтиво сообщил тот, что стоял справа. Не в моем положении было спорить. Ладно хоть трусы не стянули.

Спустя полчаса меня привезли в отделение для коронавирусных больных.

– А доки где, Анатольченко? Ты чего мне его в одних трусах притащил? Что я с ним делать должна? – орала медсестра приемного покоя.

– Да не до документов было, Оль, – виновато ответил скоряк.

Оля тихо ворчала в маску, натягивая вторую пару перчаток.

А подойдя ко мне, встала, как вкопанная, и, медленно свирепея, произнесла:

– Анатольченко, ты охренел? Ты кого притащил?

– Берсенев же.

Я машинально кивнул, подтверждая информацию.

– Тот Берсенев семидесятого года рождения. А этому от силы лет двадцать пять!

Я судорожно переводил взгляд с медсестры на скоряка и неистово кивал, соглашаясь со словами мудрой женщины.

– Ну а я почему знаю? – осознав ошибку, промямлил мужик. – Он мне свой возраст не называл!

– Анатольченко! – взревела медсестра.

– Ну, Оль, ну что начинаешь?

– Дома поговорим! Иди, вертай его назад! И чтоб до завтра я тебя не видела!

– Ну Оль... – начал было скоряк.

– Анатольченко, не беси меня!

Мужик подхватил меня под локоть и поспешил ретироваться.

– Да, неудобно вышло, – крякнув в кулак, сказал мне скоряк у выхода. – Ты это, за штаны прости. Прикол у нас такой.

Честно говоря, я был настолько офигевший от всей этой ситуевины, что даже не нашел, что ответить.

– Домой-то хоть подкинете или так прикажете идти?

– Ты прости еще раз, но у нас уже следующий вызов, – опустил взгляд Анатольченко. – Оль, есть у тебя во что одеть его?

Ольга глазами метнула в мужа молнии и полезла куда-то вглубь высокого шкафа. Выудила оттуда пару синих штанов и синюю же футболку со знаком Супермена.

– Держите, только с возвратом!

– Чего смотришь? – обратилась она уже к мужу. – Такси хоть парню вызови!

И добавила, снова мне:

– Смотри, одежду вернуть не забудь!

А что я, собственно, мог? Ее муж знает мой адрес. Поблагодарив медсестру, наскоро оделся и вышел прочь.

Машина уже ожидала. Я плюхнулся на заднее сиденье старенькой десятки и сразу начал с козырей:

– Здравствуйте. У меня налички нет, но домой надо срочно!

Подняв глаза, заметил, что с водительского кресла на меня глядит симпатичная девушка.

– Ого! Супермен что ли?

Я неслабо смутился, вспомнив свое веселое утро. А девушка продолжила:

– Ладно, погнажи, заявок все равно нет.

Спустя год мы сидели на нашей кухне и весело болтали.

– Нет, ну я тогда решила, что ты псих, сбежавший с больнички! – весело хохотала Аленка. – А ты такими глазами на меня посмотрел, будто тебя там пытали!

– Почти так и было!

– Вот! Ну и как я могла тебя бросить?! Супермен ты мой.

Я приобнял Аленку и нежно чмокнул в макушку.

Случайность правит миром

Иван Панченко

vk.com/tokifa

Никогда раньше не задумывался, как случайность может изменить мою жизнь. Примеры были пред глазами. Я смотрел, но не видел. Случай правит миром, это факт. Иначе как объяснить, что он сделал меня счастливым в мгновение, а в следующее – прижал коленом к земле, выдавливая воздух из легких.

Мне двадцать три, и все мои друзья знают меня только по нику в играх. ТокиФа – вот что связывало меня с внешним миром. Виртуальные голоса с нотками холода на другом конце провода, виртуальные походы за виртуальными предметами. Нет не так. Рейды за лутом – это в нашем стиле.

Меня все устраивало. Я общался, да на расстоянии, но все же общался, с друзьями, с теми, кто разделяет мои увлечения. Можете меня жалеть и пытаться доказать, что это неправильно, но я был счастлив. В нашем чате всегда кто-то был, всегда можно поговорить и обсудить не только игры, всегда можно поспорить. Можете ли вы этим похвастать? В реальной жизни тот, кого ты хочешь увидеть и поговорить, всегда в самый нужный момент занят. Не нужно мне этого, так я так думал.

Пандемия, подкосившая мир и посадившая полмира на самоизоляцию, усилила онлайн в разы. Сервера переполнены, квесты спокойно не выполнишь и еще тысячи проблем. В чат вечно врывались люди, нарушая нашу гармонию, но мы их быстро выкидывали или они сами уходили. Как спам в почте, вроде фильтруется, но все равно подбешивает. Про себя я все же посмеивался: все любители реального общения осели по домам и лезли на стены. А для таких, как я, ничего особо не изменилось.

Все закрутилось три недели назад. Двадцать один день счастья и шрам на всю оставшуюся жизнь. В чат влетел очередной нуб, задавая самые глупые вопросы про прокачку и тактику. Случайность. Случайность в том, что была глубокая ночь и в онлайн был только я. Случайность, что мне было скучно и я взял шефство над новичком. Случайность, что это оказалась девушка. Случайность, что рассвет застал меня уставшим, но улыбающимся. Случайность. Счастливая случайность. Черт, как же я был счастлив.

Три дня мы говорили о сериалах, спорили о полезности Индианы в ковчеге, делились любимыми треками Флера. Наши вселенные соприкоснулись, проникая друг в друга, изменяя друг друга. На четвертый день в скайпе я впервые увидел ее. Мои глаза все время пытались сбежать. Спустя пять минут неловкого молчания и ерзанья на стуле по обе стороны экранов, мы наконец встретились взглядами. Голубые глаза поглотили меня, глупая улыбка появилась на губах. Господи, как же мне стыдно, но это теплые воспоминания. Наши гляделки прервал ее звонкий смех, я поддержал неловким басистым хохотом. Неловкость начала таять, пока не пропала совсем. Мы болтали, как и в первый раз, но сейчас я видел ямочки на ее щеках, когда она улыбалась, видел ее растрепанные русые волосы, слышал смех, слышал кашель. Тогда, именно тогда, я мог что-то сделать, но не заметил. Позволил чувствам заполнить голову, позволил сердцу биться сильнее, позволил радости поглотить меня. Я был счастлив.

Через неделю наши видеозвонки стали короче, потом реже. Мне стало страшно, что ей надоел, что я больше ее не увижу, не услышу ее смех, но стоило мне увидеть уведомление, как паника отступала. Страх потерять ее накапливался в сердце. Я понял, что хочу увидеть ее вживую. Борясь со страхами, неуверенностью и жгучей неловкостью, я раз за разом набирал и стирал мое признание. Сообщение было единственным выходом. Если бы она видела меня на

экране, то я бы точно не смог произнести эти слова. Часы мучений и борьбы с собой, окупились отправленным письмом. Я был в ужасе, но был счастлив.

Ее нет. Больше нет. Ее сестра со стеклянными глазами позвонила мне с ее аккаунта. Девушка держалась из последних сил, каждое слово давалось ей с трудом, но она хотела, чтобы я знал. Знал, что ей было трудно дышать, знал, что она не придала болезни значение, списав на простуду. Знал, что она проводила последние часы со мной. Что в своем последнем записанном видео она упоминала меня. Сестра ни о чем не спрашивала и ничего больше не говорила. Видео пришло мне на почту. Мне страшно. Мне больно. Мне, черт возьми, больно. Мне стыдно, что я даже не знаю ее настоящего имени. Мне стыдно, что я не могу включить видео. Я разбит.

Знакомые голубые глаза смотрят на меня с экрана. Я решил запустить запись, пусть и не сразу. Ей тяжело дышать, лоб покрыт испариной, темные круги под глазами выдают нечеловеческую усталость, но она улыбается. Слезы наворачиваются на мои глаза, кулаки сжимаются, но я улыбаюсь. Я рад снова ее увидеть. Медленно она читает мое признание и улыбается, теперь плачем мы оба. Ее звонкий смех греет мне душу. Она отвечает. Я разбит, но я счастлив.

Новичок

Валентина Бурдалёва

vk.com/burdaleva

– И ради этого вы устроили пандемию? – прошептал Ричард, молодой парень в очках с тоненькой оправой. Он практически уткнулся носом в центр сенсорной карты, которая занимала всю стену конференц-зала. Его только сегодня утром перевели, и – надо же – сразу такое дело!

Он смотрел на две мерцающие красные точки, которые каких-то полчаса назад стремительно неслись к друг другу, из-за чего поставили на уши весь отдел. А теперь они, наконец, замерли на безопасном расстоянии. От каждой точки шли стрелки. Некоторые из них были перечеркнуты.

– Теперь он застрял с женой в Китае, а она не смогла вырваться из своей Москвы. Ей только что позвонил муж. У них заболел ребенок. И теперь оба будут вести себя, как паиньки. Какое-то время, – сказал мужчина с аккуратно стриженными, посеребренными сединой волосами. На нем был такой же костюм, как и на Ричарде. Но, если новичок выглядел, как выпускник колледжа, то Фрэнк, которому давно полагалась пенсия по выслуге лет, напоминал декана.

Фрэнк бросил возиться с запонками и щелкнул пальцами. Ричард вздрогнул и отстранился, поймав отражение наставника в черном зеркале, в которое превратился на какой-то миг погасший экран. Изображение вернулось, только на этот раз вместо точек он видел голограммы мужчины и женщины.

Справа взъерошенный блондин в пальто, который сидел на скамейке в какой-то больнице и смотрел себе под ноги. Слева – красивая рыжеволосая женщина в шерстяном платье. Она ехала в такси и смотрела, как замороженная, в экран смартфона.

– Ты проследишь за этими двумя, малыш? – услышал Ричард.

– Меня зовут Ричард, – сказал он.

Он рассчитывал, что здесь все изменится. Ему скоро тридцать, а все относятся к нему, как к стажеру. Может, пора отрастить бороду? Он потрогал подбородок и повернулся, чтобы ответить Фрэнку.

В глазах наставника и напарника вспыхнули две задорные искры, а губы дрогнули. Но Фрэнку удалось подавить смешок. Он помнил себя в его годы, когда только-только пришел сюда работать. Да, пришлось несладко, наверное, поэтому новичка приставили к нему.

– Ричард, ты сможешь мне? – спросил Фрэнк и показал на запястья.

Новичок, который когда-то убил целый год, чтобы научиться мастерски ставить запонки, кажется, понял, зачем он здесь. Просто кое-кто в свое время прогуливал дополнительные занятия по стилю, потому что всю крутил роман со своей будущей женой. А Ричард попал в «отдел неслучайностей», чтобы у босса не болтались рукава. Он посмотрел на галстук наставника.

– Отлично! – Фрэнк повеселел и спросил:

– Как думаешь, галстук нормально повязан?

Ричард сделал пальцами знак «окей» и спрятал руки в карманы брюк.

– Не делай так, ладно?

Новичок выдернул руки и покраснел. На его лице тут же проступили пятна, шрамы былой юности и всех гормональных всплесков.

– Ты все понял? – спросил Фрэнк, приняв самый серьезный вид.

– Да, следить за этой парочкой.

– Какие-то мелкие колебания – не страшно, но если они опять начнут двигаться навстречу друг другу...

– Вызвать вас! Но почему вы не можете остаться здесь?

Фрэнк снова щелкнул пальцами, и на экране появились фигурки его и его жены.

– Видишь странный красный ореол вокруг меня и моей дорогой Элис?

Новичок кивнул.

– Случится катастрофа, если я не схожу с ней сегодня в ресторан по случаю нашей семнадцатой годовщины! – сказал Фрэнк и хлопнул Ричарда по плечу, а затем указал на экран.

Перед тем, как разъезжающиеся двери сомкнулись за спиной наставника, новичок услышал:

– Скоро вернусь! Просто следи, малыш! А чтобы ты не скучал, я оставил тебе папку на столе!

– Скоро вернусь! Просто следи, малыш! А чтобы ты не скучал, я оставил тебе игрушки, – передразнил Ричард Фрэнка. Он здорово умел пародировать чужие голоса. Но сейчас даже это не подняло настроения.

Ричард посмотрел на огромную стену, на которой, как две жилки, бились красные точки. А затем взгляд скользнул по зеркальной поверхности стола, в которой отражались повернутые головы трекерных светильников. Но никакой папки там и в помине не было.

Он уже хотел погнаться за Фрэнком, но тут на глянцевой поверхности образовалась полость и оттуда появился тоненький планшет.

Ричард, бесшумно ступая по ковру, подошел к столу и прочел вслух:

– Росс и Рейчел. Ого!

Росс и Рейчел – это не имена знаменитой сериальной парочки. Это код, обозначающий двух людей, которым нельзя быть вместе. Их отношения запустят цепочку страшных событий. Но пока они живы – будут стремиться друг к другу. За такими Бюро следит пристально и делает все, чтобы парочка не соединилась.

Ричард взял планшет и смахнул вправо. Две фотографии. Он и она не выглядели, как два преступника. Самые обычные лица, но, если Бюро совершит ошибку, они ими станут.

Кристина Самсонова, 32 года. Замужем. Двое детей. Родилась... Ричард перелистнул. Сейчас его интересовало другое. Ирвин Норт, 35 лет, женат, трое детей, родился... Ричард листал снова и снова, пока не дошел до параграфа, где описывалась суть дела.

Познакомились на международной выставке в Корее десять лет назад. Между ними чуть не завязался роман, но Бюро вовремя заметило отклонение от нормы. Кристина тогда была в разводе, а Ирвин здорово поругался с женой перед отъездом. Они сблизились на закрытой вечеринке, и все из-за официанта, который перепутал их заказ. Парочка разговорилась, а затем они весь вечер провели вдвоем. И если бы не жена Ирвина, которая наверняка почувствовала неладное и позвонила мужу, они бы провели вместе еще и ночь.

Вот тогда в Бюро впервые заметили странные колебания и стали следить за этими двумя куда пристальнее. Когда Кристина и Ирвин прощались в аэропорту, но потом рейс задержался из-за непогоды, пришлось экстренно что-то делать. В любых отношениях есть точка невозврата. Поэтому Бюро сделало все, чтобы Ирвин сел на свой самолет.

Здесь была история всех попыток «Росса и Рейчел» встретиться снова, но каждый раз их планы срывались. Местами попадались видео, на которых Ирвин сходит с ума, разговаривая с Кристиной по телефону. А его несостоявшаяся любовь тихо плачет в ванной за тысячи километров от него.

Вздыхнув, он отложил планшет и посмотрел на карту. Бюро не позволит им соединиться. Сделает все, чтобы те держались друг от друга на приличном расстоянии. Но почему? Что случится такого, если эти двое все же сойдутся?

Ричард вспомнил свою невесту, которая погибла два года назад в Африке. Это была случайность, которая вполне допускала разные повороты событий. Он сжал и разжал пальцы. Захотелось курить, но он бросил. В день ее гибели Ричард выкурил сразу две пачки, а потом не выходил из дома без комплекта никотиновых пластырей. У служащих Бюро не должно быть вредных привычек.

Он зажал переносицу и вернулся к планшету.

Последние два года Кристина и Ирвин почти не поддерживали связь. Все попытки Бюро растащить их по разным углам влюбленные приняли за какой-то знак. Далее прилагалась их долгая переписка в Ватсапе. Они то спорили, то снова заводили речь о том, что надо бросить все и съехаться. Кристина поделилась своими мыслями, что все это неслучайно. Им просто не суждено быть вместе.

Потом жена Ирвина забеременела четвертым. А вчера вечером, когда он оказался в Китае, у Кристины в почтовом рассылщике произошел сбой. Все эти годы она писала трогательные письма, но не отправляла их. В день по одному. Среди них были короткие и длинные, но каждый день она думала о мужчине, с которым ей не суждено быть.

Письмо от 12 марта 20** года.

Тема: (не заполнено)

«Сегодня в торговом центре ко мне подошла старушка. Она спросила, почему я такая потерянная? Ответила, что никак не могу выбрать между коралловым платьем со скромным вырезом и платьем изумрудного цвета. Вырез, который тебе не оставил ни единого шанса!

Она сказала мне:

– Так в чем дело? Бери и то, и другое! Ты похожа на женщину, которая может купить целый бутик, а такая несчастная!

Я ответила, что не могу взять оба платья, поэтому вышла из магазина. Теперь не уверена, что даже хочу идти на этот прием. И заплакала.

Ирвин, что происходит? Почему два человека, которые любят друг друга, не могут просто быть вместе? Я устала. Наверно, подам на развод и проведу все эти годы в одиночестве».

Чуть больше тысячи писем от возлюбленной обрушились на почтовый ящик Ирвина. Всю ночь он читал их одно за другим и плакал, пытаясь запить горе чем-нибудь крепким. Он влил в себя столько, что к утру долго не мог выйти из уборной. А потом все же позвонил и сказал ей, что так не может больше продолжаться. Сначала он сказал, что прилетит сам первым же рейсом и уже купил билет, но самолет в последний момент отменили. Потом она пыталась вылететь из Москвы. Бюро даже пришлось заразить ее ребенком коронавирусом, чтобы ее сдержал материнский инстинкт.

Двери за спиной Ричарда бесшумно разъехались. И, если бы не лязг ведра, он бы не заметил пожилого уборщика. Новичок смахнул слезу, которая неприятно защекотала под правым глазом.

– А-а-а, – протянул уборщик и обмакнул швабру в ведро. – Ты, должно быть, Ричард Окслин?

Он кивнул и уже хотел спрятать руки в карманы, но вовремя поймал себя на этом.

– Ты местный герой, знаешь об этом?

– Не понимаю, о чем, вы говорите.

– Я всего лишь уборщик, но у меня есть уши, – ответил он и показал на слуховой аппарат.

– Ты сегодня предотвратишь всемирную катастрофу, мой юный друг. Потому что наш дорогой Фрэнк Олси...

Дальше Ричард не слышал ничего из-за воя сирен. Две красные точки на экране забились и стали стремительно двигаться навстречу друг другу. Все происходило, как во сне. Сердце Ричарда забило, а руки затряслись так, что он чуть не выронил трубку. Он звонил Фрэнку, но тот не отвечал.

– Что будем делать? – спросил его незнакомый мужчина. На нем был такой же костюм, как на Ричарде. А вот галстук повязан небрежно.

Всего за минуту огромный кабинет наполнился разными людьми. Фрэнк так и не брал трубку. И тогда Ричард схватил планшет и скопировал оттуда номер Кристины.

Та, на радость ему, взяла трубку, и весь отдел замолчал, уставившись на вспотевшего парня:

– Это я, – сказал Ричард голосом Ирвина.

– Милый? Все в порядке, я уже...

– Коралловое платье...

– Что?

– Бери коралловое платье, милая...

Позади Ричарда кто-то начал шикать, мол, что он делает?!

– Что ты сказал? – Кристина едва сдерживалась, чтобы не зарыдать.

– Ты слышала.

– Ты уверен?

– Да, тебе не нужно зеленое. И никогда не было нужно.

Еще немного, и он станет предметом насмешек в бюро. Поэтому новичок прикусил щеку, а потом посмотрел на карту. Красные точки остановились, а потом произошло то, что занесут в учебные пособия Бюро: стали отдаляться друг от друга.

Ричард положил трубку и вышел из зала под аплодисменты. Сначала он просто шел, затем перешел на бег, а потом вышиб дверь туалета и навис над первым попавшимся унитазом. Вместе с завтраком из него вылетел весь комок нервов.

– Сынок, с тобой все хорошо? – спросил тот самый уборщик с отличным слухом.

Ричард отплевался и утер лицо бумажным полотенцем.

– Держи, эти не опасны, – сказал старик и протянул самодельную сигарету. – Таких уже не делают. Ты молодец! Мы не можем влиять на судьбы людей напрямую. Ты это знаешь. Но иногда приходится делать безумные вещи, потому что мы знаем: так правильно.

Ричард сел на пол, воткнул сигарету в зубы и позволил седому уборщику дать ему прикурить.

Первой заболела бабушка

Илона Ковза

vk.com/ilona.kovza

Первой заболела бабушка.

В свои четыре года Юшенг уже знал, что в провинции не очень хороший воздух, и подумал, что бабушка кашляет от него. Многие кашляют от воздуха.

Утром бабушка осталась лежать в постели, а в садик его отвела мама. Вечером тоже забрала мама: она была грустная и сказала, что бабушку увезли в больницу. Юшенг предложил, чтобы они сходили навестить ее, но мама только покачала головой.

Ночью он проснулся от звонка телефона и маминого голоса. За окном было совсем-совсем темно. Юшенг перевернулся на другой бок, но услышал вдруг, что мама плачет. Побежал к ней: мама сказала, что бабушки больше нет, и снова заплакала.

А Юшенг не заплакал. Он главный мужчина в семье и не должен быть слабым. Он обнял маму и стал думать, кем будет бабушка в следующей жизни?

Потом закрылся его садик, и мама перестала ходить на работу. Она все время звонила по телефону, зато разрешила Юшенгу смотреть мультики, какие захочет. Он выбрал про гигантских роботов.

Потом мама тоже заболела. Она лежала в постели, а Юшенг носил ей воду для питья и мокрые тряпочки на лоб. Мама была такая горячая.

А утром остудилась. Юшенг обрадовался, что ей стало лучше, и побежал принести еще попить. Болеющие должны много пить, вода смывает болезнь – так бабушка говорила.

Наверное, бабушка пила недостаточно много воды и поэтому не выздоровела.

Юшенг принес попить, но мама никак не просыпалась. Он звал ее, толкал в плечо, а она все не хотела открыть глаза. И лицо у нее стало какое-то странное: худое и острое.

Юшенгу вдруг стало очень страшно. Он уронил воду, убежал в другую комнату и там просидел почти весь день, в углу, обхватив колени руками. Думал про маму и бабушку.

Наверное, они заболели из-за него. Юшенг не всегда был послушным, иногда баловался на занятиях. Однажды воспитательница его даже отругала и рассказала об этом бабушке. А бабушка – маме. Мама очень расстроилась тогда. Она много-премного работает, чтобы Юшенг мог ходить в хороший садик с чистым воздухом. А он там плохо занимается...

Наступил вечер.

Если совсем стемнеет – станет страшно, решил Юшенг и тихонечко пошел включать свет. К тому же, хотелось кушать.

На ужин бабушка всегда готовила суп или лапшу. А он капризничал и хотел бургеры, как в телевизоре. Теперь супа не было, бабушки тоже не было, а хотелось, чтобы они были.

На кухне он нашел сладкие булочки и чуть было не слопал их все. Ему никогда не разрешали съедать все самому, нужно было поделиться с остальными. Сейчас никто не мог ему запретить, но Юшенг оставил несколько булочек в миске и убрал в шкаф. Когда мама проснется – она увидит, какой Юшенг стал взрослый и послушный. И больше не заболеет.

От булочек захотелось спать.

Юшенг лег рядом с мамой. Может, утром она уже отдохнет и проснется? Он тогда будет всегда-всегда ее слушаться и во всем помогать. Будет хорошо заниматься в садике, выучится в школе и университете на самые лучшие отметки, попадет на очень престижную работу и будет очень-очень хорошо там работать. Ему за это заплатят большие деньги, и он купит маме домик там, где хороший воздух. И ей больше никогда не придется торговать рыбой на рынке.

Когда мама проснется?

Крик

Мирро Минце

vk.com/mirrominze

– Ну и дрянь! – мужчина почесал седую бороду, рассматривая плакат, подсвеченный ярким светом уличного фонаря. Внезапный ливень заставил его спрятаться под крышей картинной галереи.

– Ну и кто на такое пойдет? – воскликнул старик, проклиная орущее существо на фоне огненно-красного марева.

– Посетителей и правда нет, – ответил тихий голос из темноты. Старик поднял голову и увидел миниатюрную фигуру на лестнице музея. – Не хотите зайти?

– Это вы мне? – мужчина осмотрел себя с ног до головы: ботинки, перевязанные изолентой, дырявые джинсы, найденные утром на городской свалке. Люди всегда сторонились его, морщились, будто увидели таракана в тарелке супа.

– Здесь только я и картины, проходите, не бойтесь, – женщина улыбнулась.

Поднявшись наверх, старик почувствовал аромат сладкой выпечки, некогда встречавший его дома.

– Как вас зовут? – незнакомка улыбнулась. Теперь старик мог лучше разглядеть ее: серебряные кудряшки, бледное лицо, исчерченное множеством маленьких морщинок, полоска бесцветных губ.

– Нет у меня имени.

– Вот как! – незнакомка пожала плечами. – Как же тогда вас называть?

– А мне какое дело? Как хотите, так и зовите, – буркнул старик, откусив кусок хлеба

– Хорошо, тогда будете Эдвардом.

– Кем?

– Эдвард Мунк написал ту картину, которую вы рассматривали у дверей галереи.

– Ясно. Вас-то как величать?

– Надежда.

– Надежда, – ухмыльнулся старик. – Картина у вас страшная.

– Да это же только реклама! – женщина рассмеялась. – Картину я вам сейчас покажу.

Надежда зажгла свет в соседнем помещении и прошла внутрь. Старик нехотя поплелся следом. В центре стены висела та самая картина, только гораздо больше.

– Вы слышите его крик? – лицо женщины стало серьезным. – Это крик души художника, переполненный отчаянием и ужасом. Крик, который никто не слышит, но ощущает каждый.

Сумасшедшая, подумал старик. Картина отталкивала, вызывала тревогу, но он не мог разобрать почему. Фыркнув, старик заключил:

– Знаете что, Надежда, я ничего в этой вашей живописи не понимаю, так что спасибо, но мне домой пора.

– Приходите снова, Эдвард, – Надежда завернула кусок хлеба в лист газеты и подала старику. – Я всегда здесь.

Эдвард вернулся через три дня, а затем через неделю. Надежды не было. Проклиная все на свете, старик сорвал со стены тот самый плакат. Внутри оказалась записка:

«Дорогой Эдвард, выходить на улицу стало опасно, а меня подкосила странная хворь. Приходите по адресу...».

Сердце забилось чаще. Эдвард почти бежал, но ноги не слушались: за все эти годы старик разучился куда-либо торопиться. Сорвав несколько желтых цветков, он позвонил в дверь дома, указанного в письме.

Надежда вышла не сразу. Закутавшись в пальто, она едва дошла до лавочки. Под карими глазами появились фиолетовые синяки, а бескровные губы дрожали от холода.

– Расскажите мне о себе, Эдвард. У вас есть семья?

– Дочь у меня есть, – старик нахмурился, потупив глаза. – Но она и не знает о том, что я жив.

– Жестоко, – Надежда нахмурилась.

– Ну не мог я сказать ей, что мать померла, дом сгорел, понимаешь? Мне лучше было тогда умереть, – Эдвард обхватил голову руками. – Возможно, когда-нибудь я восстановлю документы, на работу устроюсь и тогда...

– Мой друг, – Надежда осторожно взяла Эдварда за руку. – Никогда не откладывай жизнь на завтра, оно может не наступить.

Прошла неделя с тех пор, как Эдвард впервые пришел к этому дому. Теперь они разговаривали каждую ночь, правда, Надежде лучше не становилось. Она уверяла, что это простуда, приходящая каждую весну, словно по расписанию. Иногда под камнем у лавочки женщина оставляла письма: «Дорогой Эдвард, сегодня не выйду, очень устала» или «Подойди к моему балкону, сегодня ужинаем при свечах».

Увидев очередной клочок бумаги под камнем, старик улыбнулся: «Все пишет, нет бы выйти да сказать!». Эдвард уложил букет на лавочку и принялся читать.

«Дорогой Эдуард! Не удивляйся, я узнала твое настоящее имя и связалась с дочерью. Прости, но это все, что я могу сделать для тебя. Надежда»

Старик оцепенел. Происходящее показалось дурным сном в предрассветный час, бессмыслицей, бредом. На ватных ногах он подошел к ее дому и нажал на кнопку звонка. Тишина. Отогнав от себя дурное предчувствие, Эдвард обошел дом и, встав на бульжник, заглянул в окно. Надежда лежала на полу, корчась от боли и жадно хватая воздух. Ее глаза казались пустыми, а руки застыли на горле. На миг старику показалось, что женщина пытается сорвать кожу, чтобы сделать вдох.

Эдвард свалился с камня. Не помня себя, он побежал по улице. Никого. Он стучался в двери и окна, умоляя Бога послать хоть одну душу в этот проклятый мир. Увидев на улице человека, он побежал со всех ног и чуть не сбил его: «Вызовите скорую, женщине плохо!»

Толчок в грудь, и старик упал на землю. Бессмысленно. Надежда умирает здесь, в нескольких метрах от него, совершенно одна. Взглянув на розоватое предрассветное небо, Эдвард схватился за голову и отчаянно закричал...

Старик проснулся на лавочке, когда санитары зашли в дом. Он не испытывал ни боли, ни страха, лишь пустоту. Вскоре ее вынесли. Безжизненное тело, упакованное в черный пакет, не имело ничего общего с той кареглазой хохотушкой. Сгорбившись, не разбирая дороги от слез, старик побрел по дороге. Его остановил до боли знакомый голос, где-то позади раздался крик:

– Папа!

Сто дней изоляции

Валентина Бурдалёва

vk.com/burdaleva

Да, вирус – это страшно. Но не этого я боюсь.

Дни спутались. Какая разница, какой день недели и время суток, если ты находишься взаперти и остался без работы. Если все, что от тебя требуется, – соблюдать изоляцию. Все только и ждут, когда президент улыбнется и скажет, что мы можем вернуться на свои рабочие места.

Каждый день нас просят сохранять спокойствие, зачитывая рекомендации, как спасительные мантры. Мойте руки. Каждые два часа меняйте маску. Держитесь друг от друга на расстоянии. Если заболели, позвоните на горячую линию и ждите. На улицу выходите в случае крайней необходимости: в магазин, аптеку, если вашей собаке приспичило. И ничего о том, когда это все закончится.

Мама всегда говорила, что ей повезло с сыном. Спокойный мальчик, который однажды стал спокойным взрослым мужчиной, не поддающимся всеобщей панике. Когда начали сметать продукты, я смотрел мультики по кабельному, доедая последние макароны. А когда стало ясно, что карантин – это надолго и что меня отправляют на бессрочные каникулы, даже обрадовался.

Я давно мечтал именно о таком отпуске. По долгу работы мне приходилось мотаться по соседними городам. Так что проваляться месяц перед телевизором с пачкой чипсов было пределом моих мечтаний. Оставалось только набить шкафы и холодильник самым необходимым. И я отдался этому порыву.

Крупы, макароны, тушенка, свежая говяжья вырезка, две бутылки кетчупа, соевый соус, мука, сахар, соль, два больших брикета с рыбой глубокой заморозки, пачкапельменей, молотый кофе, чай, три больших упаковки чипсов и пак пива на двенадцать банок с матовым покрытием. Оставалось докупить свечи, праздничные колпачки и языки-пищалки. И много минералки на случай похмелья.

Не знаю зачем, но я добавил ко всему накопленному пачку карамелек «Солнечные дольки», мармелад «Грин Джус» и зефирные подушки с шоколадной прослойкой «Мемориз». Раньше меня трудно было соблазнить сладкой химией под яркой упаковкой. А сейчас хотелось все это перепробовать.

В последний момент поверх всего я положил две бутылки вина и замороженный торт. Даже стоя перед кассой, выдерживая дистанцию и задыхаясь в маске, я все еще тоскливо поглядывал на прилавки.

Когда полная дама с забавными кудельками пробила все, что едва умещалось на ползущей ленте, я попросил блок сигарет «Карт Рид». Это на тот случай, если мне вдруг станет настолько одиноко, что я решу снова начать курить. Едва ли сигареты могли заменить мне друзей. Но что-то в этом было.

В момент расплаты я попросил продавщицу не называть мне итоговую сумму, а длинный змеевидный чек тут же выбросил в мусор. Вряд ли я мог купить продуктов на миллион. Ровно столько лежало в моей заначке. Много лет я копил на новый автомобиль, а теперь что? Да к черту все! И уже после того, как вроде бы все купил и готов был уйти, попросил три упаковки презервативов.

Кто-то прыснул позади меня, и я обернулся. На меня смотрели люди в разноцветных масках. Не знаю, зачем мне понадобились эти чертовы презервативы. Ведь я живу один. Воз-

можно, я готов погрузиться на самое дно скуки, где собирался творить безумные, но безобидные вещи. Например, сбрасывать на головы нарушителей изоляции водяные бомбы. Или после быстрого знакомства с красоткой устроить шикарный вирт, представляя себя фонтаном.

Когда я утолкал все накупленное в свой старенький «ситроен» и завел мотор, снова вспомнил про свою заначку. Через полчаса я стоял в бронированной кабинке и наблюдал, как работает машинка для подсчитывания денег.

Нет, я снял не все, оставив немного для походов по магазинам или на тот случай, если не удастся найти бесплатную любовь по интернету. Но мысль, что банки могут запретить снимать наличные или произойдет еще что похуже, сводила меня с ума. Эти деньги значили для меня больше, чем радость от свежеспавнувшего салона. Долгие годы я ограничивал себя во всем, работал до изнеможения. И во всей этой беготне потерял девушку, которую любил больше жизни. Так что бумажки в тархтящей машинке – это был сам я. А себя потерять я был не готов.

Первые две недели пролетели незаметно. Переписка с друзьями, отслеживание новостей, готовка под «Металлику», приступы уборки – все это здорово отвлекало. Хотя я планировал вылежать все дерьмо из своего старенького дивана.

Почему-то я не мог лежать и долго не притрагивался к сигаретам. Хотя были моменты, когда хотелось вспороть глянцевого брюхо плотной упаковке. И вытащить белого новобранца, чтобы прикурить, вцепившись зубами в фильтрованный зад.

Но первые настоящие мысли об одиночестве посетили меня в тот день, когда я на второй раз пролистывал ленту в инстаграме.

Именно от скуки я нажал на горящий кружок прямого эфира. Я ждал чего угодно, но только не девушку в леггинсах, застывшую в нелепой позе.

«Йога для всех желающих» – так называлась трансляция, и я был единственным зрителем. Совершенно не помню, когда успел подружиться с зеленоволосой тренершей по йоге. Возможно я бы вспомнил, но ник `yoga_with_you` мне совершенно ни о чем не говорил.

Это сейчас у меня было столько времени, что я мог бы выучить какой-нибудь язык или написать целый роман о своей скучной жизни. Но каких-то два месяца назад я во всем был здорово ограничен. Теперь же я мог спокойно пялиться на обтянутый зад, будто и правда собирался повторить это упражнение. И смотрел бы еще долго, если бы нечаянно не нажал на кнопку «помахать».

Меня охватила странная паника, и я чуть не выронил телефон. Не найдя способа, как удалить эту чертову машущую ладошку, я просто закрыл приложение. Вот тогда-то впервые вышел на балкон, чтобы выкурить из легких остатки воздуха.

Через месяц стало хуже. Я уже перестал открывать тематическую ленту, чтобы узнать, сколько людей умерло, сколько выздоровело, а сколько заразилось за последние сутки. Но все же иногда высывался в сеть, чтобы ответить на редкие сообщения от друзей и удостовериться, что карантин еще в силе.

Мысль закрыть последнее окно, связывающее меня с реальностью, дразнила меня. Достаточно «забыть» заплатить за интернет, чтобы оказаться в информационном вакууме. Но нет, я исправно платил своему провайдеру, потому что интернет оказался для меня не только способом связи с внешним миром.

Кажется, тогда я и полез на сайт знакомств. Для меня это было настоящим испытанием. Я долго выбирал фото для своего профиля. Свежее делать не стал, так как давно запустил себя. А бриться ради одной фотографии и выбеливать мешки под глазами специальными фильтрами казалось какой-то дикостью.

Я взял фото из тех дней, когда был счастлив. Тогда мы только познакомились с моей «любовью навсегда» и успели сделать много прекрасных снимков, как этот.

Вот я, немного растрепанный мужчина, сижу в своей машине, на трассе, и пью кофе. Тогда мы решили остановиться, чтобы отлить и размять ноги. Это были редкие случаи, когда я брал свою девушку с собой. И почему-то ей пришла в голову мысль сделать это фото. Наверно, она посчитала меня красивым. Или лучи солнца как-то по особенному падали. Кто знает. Но именно эта фотография украсила мой аккаунт на «Планете любви».

Дальше мне пришлось здорово поковыряться в мозгах, чтобы заполнить все поля о себе. Да какая разница, думал я, какие у меня предпочтения в женщинах? Есть ли у меня вредные привычки или хобби? А на моменте, где надо было отметить галочкой половые предпочтения, я чуть не закрыл сайт. И снова подумал о девушке с зелеными волосами. Интересно, есть ли у нее парень или она, как и я, живет одна? Нет, с такой задницей вряд ли. Даже во время изоляции, когда все стараются отдалиться друг от друга на приличное расстояние.

Стиснув зубы, я отметил, как натурал и отправил анкету на модерацию. Но, когда пошли первые сообщения, почему-то испугался и закрыл вкладку. И только боязливо поглядывал на уведомления, что посыпались на мой почтовый ящик, указанный при регистрации.

А уже через час, выключив уведомления, пытался разговориться с женщиной, общение с которой мне обошлось в пару тысяч. Когда все закончилось, и я смог отдышаться, стало противно. Я вырубил ноутбук. В сеть не выходил несколько дней. В последние дни изоляции мне снились фонтаны и зеленоволосая тренерша по йоге.

543 рубля

Света Кудрякова

vk.com/s_kudry

Пандемия пандемией, а диссертацию до июня дописать нужно.

Именно так подумал Денис Никифорович, двадцати семи лет от роду, и ровно в полдень 16 апреля 2020 года вышел из своего дома по улице Академической и направился в букинистический магазинчик.

Тот находился на расстоянии примерно километра от его дома. Ехать в общественном транспорте в погожий денек не хотелось. Да и заразы там сейчас больше, чем в клоаках подсобного секретарши с кафедры зарубежной литературы, подумал молодой человек.

На улице практически никого не было, это радовало Дениса, так как встречи с людьми он и без того не любил, а в ситуации, которая сложилась сейчас, и подавно. Так что можно было идти неторопливо, тщательно обдумывая предстоящую покупку.

Денис знал, что нужная ему книга есть у букиниста, и стоит она 675 рублей. Но у молодого человека на покупку было только 543 рубля и еще пара копеек. Молодой человек привык детально планировать свой бюджет, весь апрель был подробно расписан. Поэтому отступить от намеченной суммы он не мог. На кафедре, где он работал, и так сократили все выплаты, так что шиковать было не на что. А книга... ну не стоила она 675 рублей! Грабеж чистой воды.

Поэтому Денис шел, уверенный в своей правоте, и подбирал слова и аргументы, почему букинист – пожилой бывший доцент – должен продать ему издание именно за 543 рубля.

Когда до магазина оставалось каких-то сто метров, дорогу Денису перебежал черный кот. Причем прямо перед ногами у молодого человека кот остановился, почесал за ухом, поднял голову, мяукнул, глядя Денису в глаза, и побежал дальше.

– Брысь, нечистая, – крикнул Денис вслед коту, но ход замедлил. Он не верил приметам, но тут карты складывались не в его пользу. Все же не хватает больше ста рублей. Может, не ходить?

Напротив магазина стояла скамейка. Денис сел на нее и посмотрел на небо. Облака медленно плыли, складываясь в несуразные картинки. Одна из них напомнила молодому человеку знак вопроса. Другая – топор.

– Бррр, – Денис потряс головой и решительно направился ко входу в магазин.

Он дернул за ручку раз, другой, третий. Дверь не открывалась.

– Ну конечно, сейчас же все закрыто, как я мог забыть, вот дурак, вот дурак! – сокрушался Денис, стоя перед магазином, который не являлся продовольственным и не продавал товары первой необходимости. А значит, в условиях карантина, не работал.

Молодой человек уже хотел развернуться и уйти, как дверь тихонечко приоткрылось и выглянул старик-доцент.

– Вы ко мне? – нарочито вежливо спросил он и поправил очки.

– Да, добрый день, к вам. Совсем забыл, что вы сейчас не работаете, дело в том, что я... – начал было объяснять Денис, но букинист тряхнул головой, открыл дверь шире и сделал рукой приглашающий жест.

Денис зашел в темное помещение магазинчика. В нем пахло сыростью, гнилью и бумагой.

– Чем могу помочь?

– Я хотел бы купить книгу ***, я как-то уже смотрел ее у вас, месяца полтора назад, вот сейчас она мне необходима.

– Да-да, она у меня есть, минуту, я вам ее вынесу.

И букинист удалился в темный прямоугольник неприметной комнаты.

– Вот, пожалуйста, 705 рублей.

– Как 705, вы говорили 675!

– Да, но это было месяц назад, даже полтора, а время, как вы знаете, – деньги.

– Знаете, в любом случае, у меня только 543 рубля. Может, я могу взять ее сейчас за эти деньги, а потом, в мае, я занесу вам остаток долга? Ну или, давайте, я помогу вам по хозяйству.

Букинист остановился и крепко сжал издание в руках.

– Молодой человек, а вы верите в чудеса? – загадочно спросил он.

– В чудеса? О чем вы?

– Ну чудеса! Допустим, выходите вы сейчас из магазина, а на улице нет эпидемии, все живут прежней жизнью, путешествуют по миру и не боятся заразиться от другого человека, – букинист договорил, хлопнул себя ладонью по лбу и достал из кармана аккуратную многоразовую маску.

– Да я и до карантина-то из дома нечасто выходил, разницы особо не вижу, разве что людей на улицах меньше, так это мне даже больше нравится.

– А если вы выходите из этого магазина и становитесь известным по всему миру ученым. Востребованным, авторитетным, с массой публикаций, как вам такое чудо? – букинист опять хитро заулыбался, на этот раз под маской.

– Вы же знаете, это невозможно, – Денис начинал нервничать, так как понимал, что книги ему, похоже, не видать.

– Ну почему же, все просто. Вы получаете книгу и известность, долг я вам прощаю, и все, собственно, складывается наилучшим образом. Только и нужно нам, что... поменяться телами.

Денис прыснул от смеха. Поменяться телами, что за глупость! И это говорит ему образованный человек, бывший научный сотрудник?

Может, рехнулся, сидючи дома?

Но делать было нечего, денег не хватало. Поэтому Денис решил подыграть сумасшедшему старику.

– Хорошо, я согласен, что нужно делать?

Букинист принес чашку с чаем.

– Просто выпейте половину и отдайте кружку мне.

Денис так и сделал. Букинист довольно хмыкнул, взял 543 рубля, отдал книгу и попрощался.

Молодой человек был счастлив, как никогда. Так удачно он зашел за книгой! Что-что, а ежедневное сидение дома не всем идет на пользу. Но это его никак не касается. Сейчас нужно быстрее дойти до квартиры и продолжить работу над диссертацией.

Денис посмотрел на облака, яркое солнце, заметил, что людей стало больше – значит, время обеда. Почесал спину и пошел к дому.

Под ногами мяукнула кошка.

– Опять ты, – гневно сказал Денис и пнул зверя. Он не ожидал от себя такого. Остановился перевести дыхание. Нервно сглотнул. Облокотился на перила какого-то магазина и случайно взглянул на отражение витрины.

Оттуда на него смотрел не Денис Никифорович, а... сумасшедший бывший доцент...

Радио «Создатель»

Юлия Ломухина

vk.com/Lomuhina

Алиса была в самоизоляции уже целый месяц. Смотреть фильмы и сериалы ей надоело. Читая книги, она засыпала. Заниматься спортом тяжело, самообразованием – неохота.

Наконец, она решила перебраться на балкон. Чего там только не было! Велосипед, костыли, нефть в баночке, летучие змеи, единорог, елочные игрушки, средневековые подсвечники и даже отдельная вселенная!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.